

Кваша
Игорь

теле
бульвар | Валентина Пескова

26.01.03.

Игорь КВАША: «Жалость — прекрасное чувство»

КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ

Генерал АБРАМЕНКО

Кому народ больше всего доверяет на голубом экране? Ясно дело — людям известным и далеким от политики. И кто, как не актеры, соответствует такому звездному статусу! Вот и решило три года назад руководство Первого общероссийского избавиться от сверхамбициозной ведущей передачи “Ищу тебя” Оксаны Найчук. А свято место, как известно, пусто не бывает. Название без проблем сменили на “Жди меня”, а на роль ведущих пригласили звездную пару: дочь Василия Шукшина — Марию и одного из основателей “Современника” — Игоря Квашу. Последний, несмотря на свои 66, не только быстро вписался в телевизионную среду, но и потихоньку стал проталкивать на телевидение традиции театра.

НЕ КОРЫСТИ РАДИ

— Три года назад актер Игорь Кваша стал телеведущим. Когда вам предложили вести “Жди меня”, вы долго сомневались?

— Сомнения были. Мы даже сначала с главным редактором ВИДа Сергеем Кушнеревым вставляли в передачу небольшие упоминания о театре. Это делалось для того, чтобы зрители не воспринимали меня только как ведущего, а помнили, что я актер. Постепенно я стал забывать об этом и сегодня совершенно не жалею о том, что связался с телевидением. Это не из-за бешеной популярности, которая на меня обрушилась, а потому, что я веду передачу нужную и очень человечную. “Жди меня” не только помогает людям находить друг друга, но и воспитыва-

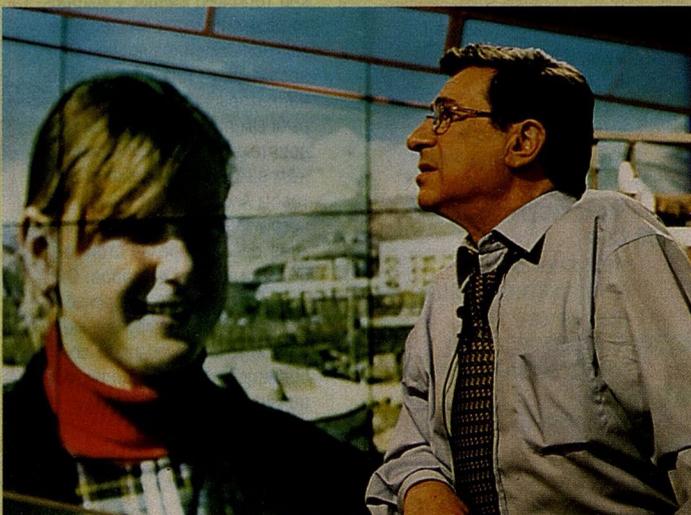
ет в людях сопереживание чужим судьбам. В течение 70 лет советской власти чувство сострадания убивалось в людях сознательно. Даже было расхожее выражение: “Жалость унижает человека”. А я считаю, что жалость — это прекрасное чувство. Оно делает человека человеком. Когда жалеешь кого-то, тоходишь в его судьбу, сопереживаешь ему и хочешь для него что-то сделать.

— Материальная заинтересованность сыграла большую роль?

— Я никогда ни с кем не говорил о деньгах. Какую зарплату мне положили, такая и есть. Хотя это не значит, что я в этом не заинтересован. Но когда мне предложили стать телеведущим, то я прежде всего подумал не о деньгах, а о том, что это за передача. То, что рассказали о ней, мне понравилось, и я решил попробовать.

— Говорят, что телевидение — это как наркотик.

Злые языки называют Квашу марионеткой в руках главного редактора. Игорь Владимирович наотрез это отвергает, называя себя и Кушнерова сотоварищами.

МК Бульвар - 2003 -

40 · 20 января — 26 января — с. 40 — 43

88 - 89

— Это так. Хотя, наверное, меня поглотило не телевидение, а именно эта передача. К тому же от “Жди меня” я тоже много получаю. Во-первых, становлюсь мягче и человечнее, а во-вторых, имею возможность наблюдать за разнообразной палитрой российской жизни. Любопытным я был всегда. Когда гастролировал по стране, то интересовался всем: смотрел, что продается в магазинах, как живут люди, какие проблемы их тревожат. Но все, что я видел на протяжении всей жизни, несравнимо с тем, с чем мне приходится сталкиваться на программе.

«Я плохо отношусь к передачам, где участвуют не подлинные истории и где по написанным сценариям играют актеры. Это видно, и это очень противно. А ведь многие принимают все это за чистую монету!»

— В “Останкино” сложнее работать, чем в театре?

— Это вещи несопоставимые. С одной стороны, актерская профессия помогает мне в передаче, а с другой — усиливает тяжесть моего положения. Методология школы Станиславского предполагает проживание жизни героя, которого играешь. А это в данном случае усложняет работу. Ты невольно влезает в проблемы человека, начинаешь вместе с ним по-настоящему переживать, и тебе становится тяжело. А если учесть, что в день записываются 2—3 программы, в которых несколько историй, то иногда становится нестерпимо больно.

— Правда, что главный редактор Сергей Кушнерев поначалу говорил вам и Маше, что именно надо говорить и как надо реагировать?

— Может быть, Маше он и говорил, как надо себя вести, я не знаю. А мне — никогда.

— Тогда для чего у вас за воротником проводок в ухо идет? Кто и что вам туда говорит?

— У нас постоянно что-то меняется. Так, мы собираемся снять сюжет с открытым финалом (когда человека еще не нашли), и вдруг в самый последний момент выясняется, что человека нашли. А иногда сценарий появляется в последний момент и удержать в голове его тяжело, тогда на помощь приходит Сергей Кушнерев. Связь с “ухом” у меня постоян-

рабочая одежда Ольги Шелест

Комментирует модельер Людмила Якушина:

— Это Шелест?! Я заинтригована. Интересно наблюдать, что происходит с людьми, которые уходят с MTV. Пока новый образ Ольги меня шокирует.

— Она всегда была яркой индивидуальностью. И вдруг появился этот мешанский стиль. Одежда — вторая кожа. Она должна подчеркивать достоинства человека, а не умалчивать их.

Мне не нравится серый цвет, не нравится эта непонятная сборка и невнятные плечи (8.10). Грустная картина. А следующая — просто “Мулен Руж” какой-то (9.10). Для создания женственного образа совсем необязательно облачаться в рюшки и украшать себя цветочками. Шелест прищипа острота, жесткость, живость и своя особая женственность. Характерная для Ольги мимика и пластика органичнее сочетаются с элементами исконно мужской моды: четкой линией плеча, рубашкой с острыми уголками воротника. Все это выглядит очень сексапильно и, как ни парадоксально, женственно. Вот, например, как только появляется рубашка (10.10), все сразу становится на свои места. Я не могу сказать, что мне безоговорочно нравится эта бежевая безрукавка, но из всего представленного на этой картинке одежда подобрана, на мой взгляд, наиболее удачно.

Этот шнурок (22.10) так и хочется оторвать. Блузка со сборками (23.10), во-первых, сливается с фоном, а во-вторых, не вяжется с манерой телеведущей. Из нее как будто попытались сделать Юлю Меньшову. И совершенно напрасно.

Так всегда: чем ярче личность, тем сложнее подобрать одежду. Ольга Шелест очень остроумная и невероятно обаятельная. У нее хорошо получается перевоплощаться. И сегодня, когда в одежде подводятся итоги всего предыдущего века, она умудрилась появиться на экране в вещах, которые совершенно не соответствуют ее характеру. Понятно, что “Доброе утро на НТВ” — программа другого жанра. Но все равно очень обидно, что ее замечательный MTV’шный образ исчез.

«На ТВ многие считают, что главное — выдать картинку, а интересно или нет аудитории в студии — для них не важно. А у нас не так. Мы стремимся, чтобы все шло как единое действие, как спектакль, без дублей».

тесь, улыбнитесь” — нет. Но самое забавное в том, что те вопросы, которые я задаю собеседнику, мы с Сергеем формулируем вместе. В таких случаях “ухо” — наилучший мой помощник.

— Кто может стать героем передачи? Говорят, главный критерий отбора — трогательная история.

— Это все-таки телевидение. Передачу надо делать так, чтобы ее хотелось смотреть. В неделю у нас находятся 50—80 человек. Показать все встречи и истории мы не можем физически. В таких случаях посылаем письмо с адресом нашедшегося, и люди встречаются независимо от нас. А мы стараемся найти наиболее интересные истории. При этом мы не настаиваем на публичной встрече на экране. Люди, пришедшие в студию, не знают, нашли их родственника или нет, им этого не говорят. Они лишь надеются, что при помощи телевидения найдутся свидетели и с их помощью отыщется человек. Таких случаев — масса. Так, мы разыскивали девочку, которую украл отец — увез за границу по подложным документам. Ее искали ФБР, Интерпол, немецкая полиция — и все безрезультатно. А у нас она нашлась сразу же после выхода передачи — в тот же день. Телевидение — это сила, которая не может сравниться ни с чем.

— Говорят, что со временем можно привыкнуть ко всему. На трагические истории при ведении передачи уже не так сильно реагируете, как раньше?

— На истории не очень трагичные реагирую спокойнее, но если что-то душераздирающее, то чаще всего плачу. В таких случаях прошу это вырезать или выхожу из кадра.

— Вы народный артист Российской Федерации. Вам дорого это звание?

— Считаю, что у артистов званий вообще не должно быть. Помню, когда мы были молодыми, то отказались от представленных нам званий. Начался скандал, вплоть до того, что вся история дошла до ЦК партии. Но потом они подумали, что разду-

Геннадий АБРАМЕНКО

В свободное время Игорь Кваша увлекается пейзажами и натюрмортами. В гостиной висят три работы актера.

ная. Один раз Сергея на съемке не было, и я стал паниковать. Но все прошло нормально. К тому же не хочется во время передачи все время подглядывать в сценарий (и тут тоже помогает “ухо”). Мы хотим, чтобы все шло как единое действие, как спектакль, без дублей. Очень злюсь, когда оговариваюсь или когда подводит техника. Даже если Сережа говорит: “Игорь Владимирович, этот кусок проговорите еще раз”, — всегда стараюсь хотя бы чуть-чуть изменить текст. У нас нет ни одной подставки, все наши истории — правда. И мне хочется, чтобы зрители в зале тоже участвовали во всем этом как в правде, а не как в поставленном спектакле.

— В каких ситуациях Кушнерев говорит вам, как надо реагировать в кадре?

— Например, я нахожусь вне кадра и хочу в это время посмотреть сценарий. А он говорит: “Игорь Владимирович, не смотрите сейчас в сценарий, а посмотрите на экран”. И я смотрю на экран, хотя видел этот сюжет раньше. Или отхожу покурить, а он мне: “У вас осталось 20 секунд до конца сюжета. Садитесь в кресло”. Иногда встреча людей затягивается, и я хочу ее прервать, тогда могу услышать в ухо: “Подождите, не прерывайте. У нас кадр хороший получается”. А такого: “Поверни-

Геннадий АБРАМЕНКО

вать скандал не стоит, и дело замяли. Конечно, после мы звания уже принимали. Когда у тебя есть звание, то с тобой и разговаривают иначе, и квартиру получше дают, да и очередь на машину быстрее движется. Зарплату, правда, это никогда не прибавляло. (Смеется.) Но само по себе это безобразно. Если нет звания, то вовсе не значит, что артист плохой. Мне рассказывали историю со Станиславским, который одним из первых получил звание народного артиста республики. После присвоения он приехал на занятия к студентам мрачнее тучи. Все кинулись поздравлять его, а он сокрушенно сказал: «Погибло искусство!»

ВЕСЕЛАЯ БОРЬБА

— Кто-то сказал: «Человеку стоит заниматься только тем, что оставляет воспоминания». Какой жизненный период вам наиболее запомнился?

— Это молодость и создание театра «Современник». Такое было невозможно, а мы смогли, и это было невероятно, ибо противоречило всякой логике. В те времена ни один театр не рождался снизу, он создавался только приказом сверху. Некоторые театры вообще насильственно закрывали, а их создателей расстреливали, как Мейерхольтца. Но создание театра сверху — это искусственное, неестественное рождение, потому что настоящий театр создается единомыслием людей, которые заняты поиском чего-то нового. Поэтому то, что мы создали после 30-летнего перерыва театр снизу, было просто невозможно, невероятно. Это была борьба, и мы ее очень весело вели и очень весело жили. Нам тогда нечего было терять. Наш театр сыграл свою историческую роль: он заговорил другим языком. Когда мы приезжали на гастроли в другие города, то многие театры обсуждали ту систему и ту манеру, в которых мы играем.

— В театре «Современник» вы служите 45 лет. Между тем психологи утверждают, что человеку надо менять род занятий или место работы каждые пять лет. Не хотелось ли вам попробовать что-нибудь новенькое?

— Иногда возникали подобные мысли, желания. Да и предложений со стороны было много. Просто я не видел, что там будет лучше. «Современник» всегда для меня был самым интересным местом.

— Со своей супругой вы в браке уже 45 лет, и вас познакомила Галина Волчек. Она напоминает вам об этом?

— Иногда мы это вспоминаем со смехом. Но что-бы она это корыстно напоминала — такого нет. В те времена мы были не театром, а настоящей семьей. Поэтому часто вместе отдыхали. То памятное лето мы проводили в Коктебеле. Через какое-то время позвонил мой друг и пригласил приехать в Гурзуф. Я стал собираться в дорогу. Тогда Галка мне и говорит: «Подожди, не уезжай. Сюда придет замечатель-

ная девочка, ты точно в нее влюбишься».

— Почему она решила, что вы понравитесь друг другу? Она знала вас на все 100 процентов?

— Конечно. Кроме театральных лет мы провели вместе и все студенческие годы. Я остался, познакомился и влюбился. Когда приехал в Москву, то сделал Татьяне предложение. Тогда я еще работал во МХАТе, а по ночам делал «Современник».

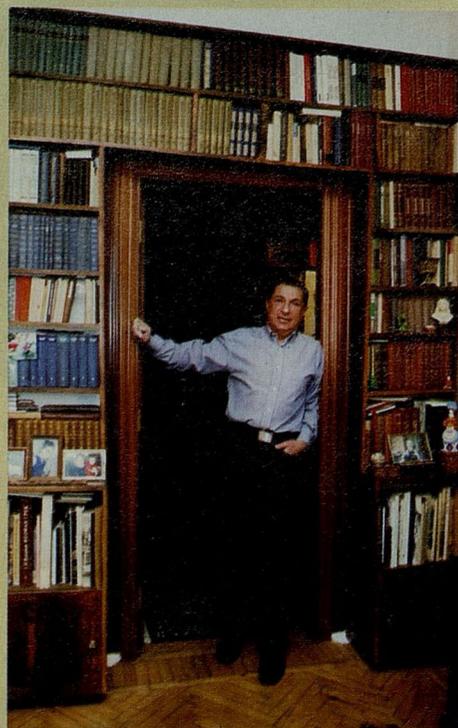
— Но это не первый ваш брак...

— Второй. Но на момент знакомства с Татьяной я был уже в разводе. Артистка Светлана Мизери — моя первая жена. Мы учились вместе. На втором курсе поженились, а на третьем — разошлись. Расставались без скандалов. Сегодня мы друзья. Ну не сложилось...

— А что именно не сложилось?

— Это никому не интересно. Это мое, и это только мои воспоминания.

— ТАТЬЯНА НИКИШИНА

Геннадий АБРАМЧЕНКО

У Игоря Владимировича большая библиотека. Самые дорогие экземпляры — подарки друзей-авторов.

